

В этом номере объем Горячей темы существенно увеличен в силу особой важности обсуждаемых вопросов. Все публикуемые ниже статьи размещены на сайте Журнала Новой экономической ассоциации. Приглашаем наших читателей принять участие в дискуссии (см. вкладку «Круглые столы», <http://journal.econorus.org/jround.phtml>).

СТРАТЕГИЯ: ОБЩИЕ КОНТУРЫ

Г.А. Явлинский
НИУ ВШЭ, Москва

Журнал НЭА,
№2 (26), 2015,
с. 173–178

Экономическая стратегия для периферийной системы

Российская экономическая система рассматривается как экономика периферийного капитализма. Для такого типа экономики понятие «экономическая стратегия» представляется малоприменимым, так как особенности самой системы жестко определяют логику ее развития. Ею детерминированы такие черты российской экономики, как опора на сырьевой экспорт; зависимость от зарубежных финансовых рынков и иностранных инвестиций (в качестве источника новых технологий); тесная связка государства и бизнеса; большая роль административно-коррупционной ренты как конфигуратора финансовых потоков. В условиях неразвитого гражданского общества, слабых государственных институтов и зависимого положения страны в глобальной системе изменение типа экономики возможно только в результате сознательных целенаправленных усилий власти. Однако сформировавшаяся в стране политическая надстройка – периферийный авторитаризм цементирует отсутствие политической воли к реформам. Соответственно, перспектива реализации стратегии выхода России за пределы ограничений периферийной зоны мирового капитализма отодвинута на неопределенный срок.

Ключевые слова: *периферийный капитализм, экономический рост, реформы, политическая надстройка, модернизация, стратегия экономического развития, отношения с Западом.*

Классификация JEL: D72, E61, E65, F42, F43, J18, O10, P10, P11, P14, P16.

Проблему выбора экономической стратегии для России анализировать сложно, поскольку она выходит далеко за рамки экономической науки, и даже экономического подхода как такового. Вопрос распадается, как минимум, на три части, в каждой из которых рассуждения об объективных закономерностях, что, собственно, и является экономическим анализом, являются только частью ответа и не могут исчерпать его содержание.

Эти три части могут, с известной долей условности, быть сформулированы в виде трех важных вопросов: 1) какова историческая траектория сложившейся модели развития и как ее определить; 2) можно ли в принципе изменить сложившуюся траекторию и есть ли для этого необходимые социальные и экономические предпосылки; 3) какой могла бы быть стратегия такого изменения.

1. Какова историческая траектория сложившейся модели развития и как ее определить

В ранее опубликованных работах я уже формулировал свою позицию о диагнозе сло-

жившейся в России за постсоветский период модели функционирования экономики, обозначив ее как *экономику периферийного капитализма* (Явлинский, 2003, 2005, 2007). Ее суть заключается в том, что в рамках этой модели капитализм со всеми его обязательными системообразующими характеристиками (частная собственность, свобода предпринимательства и рыночная логика поведения хозяйствующих субъектов) функционирует в условиях крайне неразвитого гражданского общества, слабых государственных институтов и зависимого положения страны в системе глобальной капиталистической экономики. Именно этим объясняются такие его родовые черты, как изменчивость и, в значительной степени, неопределенность правил экономической деятельности; преобладающая роль административных институтов, действия которых плохо регламентируются правовыми нормами и механизмами; слабость частного корпоративного бизнеса, неразвитость механизмов мобилизации внутренних накоплений и инвестирования капитала. Сюда же уходят корнями

и практически недиверсифицированная структура экономики, преобладание в ней отраслей и сегментов, ориентированных на улавливание и извлечение природной или административной ренты.

Использование для характеристики российского капитализма слова «периферийный» объясняется тем, что особенности нашей сегодняшней реальности, отличающие ее от современного Запада, связаны не столько с какими-то историческими особенностями российской версии капитализма или тем более с мифической особостью путей развития страны и общества, сколько с удаленностью российского капитализма от его мирового ядра и, соответственно, от характерных для него наиболее развитых экономических институтов. Этому состоянию удаленности есть вполне разумные, в том числе объективные, объяснения. Что, однако, не снимает ответственности с тех, кто после крушения СССР не просто принял стихийный ход развития событий, но формировал и продолжает формировать именно такую парадигму социально-экономического развития.

По отношению к этой системе понятие экономической стратегии представляется малоприменимым, если его вообще можно рассматривать. Эта система и есть воплощение естественной для себя стратегии функционирования – как жесткая конструкция, предопределяющая и логику бизнес-поведения ее субъектов, и логику государственных решений, формирующих или затрагивающих это поведение. Периферийное положение российского капитализма по отношению к его мировому ядру сегодня обуславливает характер и темпы накопления капитала, источники и направления инвестиций, равно как в значительной степени и их возможные объемы (через способность экономики эффективно осваивать соответствующие вложения). Этот же фактор достаточно жестко детерминирует характер отношений между бизнесом и административной властью, а следовательно, и внутри самого предпринимательского класса, и в этом смысле – феномен объединенной *власти-собственности*, когда власть является источником крупной собственности, которая, в свою очередь, ничего не стоит без власти. Он же определяет структуру собственности, секторальные приоритеты, возможности управления экономическим ростом и его объективные пределы.

Естественно, в рамках данной системы возможны тактические вариации – в бюджетной, фискальной и кредитно-денежной политике, в программах поддержки тех или иных отраслевых сегментов или стимулирования

спроса, в регулировании внешнеэкономической деятельности. Безусловно, возможны нюансы, в том числе и существенные, в расстановке акцентов других аспектов экономической политики, включая ее долгосрочные цели и ориентиры, а также в определении объема и направленности ее социальной составляющей.

Все эти вариации и нюансы не видоизменяют общей логики и стратегии поведения основной, критической массы хозяйствующих субъектов, равно как не меняют и положение национального хозяйства в глобальной системе мирового капитализма. И это именно то, с чем мы постоянно сталкивались в течение последних полутора десятилетий в российской экономико-политической практике, где активное, временами достаточно успешное манипулирование инструментами текущей экономической политики сопровождалось неспособностью правительства, в первую очередь его экономического блока, влиять на долгосрочные, стратегические параметры российской экономики. То, что правительственными экономистами задумывалось, и даже подробно разрабатывалось, в качестве долгосрочной стратегии экономического развития и структурных реформ, в итоге неизменно сводилось в лучшем случае к поддержанию некоторых параметров макроэкономической стабильности, а в худшем – к алхимии построения бесконечных сценариев, которые сами по себе, конечно, имели определенный смысл, но не могли изменить логики периферийного капитализма и привести к трансформации его модели.

Соответственно, стратегией такого типа исторического существования – развития России в качестве периферийной части мирового капитализма – была и остается линия на пассивное приспособление к условиям, создаваемым деятельностью глобального капиталистического ядра в виде коллективного Запада, и использование этих условий для получения текущих доходов, которые улавливаются и распределяются (и частично перераспределяются) политической верхушкой, главным образом с помощью механизмов административной и коррупционной ренты. В тех пределах, в которых эту линию можно назвать стратегией, она и определяет ту базовую составляющую долгосрочной экономической линии российской власти, на которую накладываются политические события и установки, влияющие на текущую риторику и провозглашаемые ею цели и ориентиры.

Под этим углом зрения, на мой взгляд, следует рассматривать и заметное видоизменение публично-пропагандистского сопровожде-

ния долгосрочного экономического целеполагания в последние полтора года. Резкое, хотя и ожидавшееся, усиление политической конфронтации привело к существенному осложнению условий экономических контактов России и Запада, ограничению притока в страну финансовых ресурсов, сворачиванию инвестиционных планов. Естественно, в публичной сфере это нашло отражение в очевидном крене в сторону идей самодостаточности, замещения импорта товаров и технологий собственным производством и разработками, ухода от экономической зависимости от западного ядра современного капитализма по всем основным параметрам – как источника экспортных доходов; привлекаемых финансовых ресурсов и сопутствующих услуг; импортируемых технологий и оборудования, а также прочих необходимых благ. Прежние лозунги активного проникновения российского капитала на западные рынки если и не были полностью дезавуированы, то, во всяком случае, лишены актуальности, на их место пришли новые – экономического суверенитета, технологического самообеспечения, «разворота на Восток» и др.

И тем не менее, несмотря на беспрецедентную антизападную риторику в СМИ и в документах, которыми власть обменивается с собственными экспертами и академическим сообществом, практическая линия осталась в целом прежней – никакого резкого поворота, одностороннего инициативного разрыва всех и всяческих экономических контактов с Западом не произошло. И связано это, конечно, в первую очередь с осознанием того непреодолимого обстоятельства, что российская экономика в том виде, в котором она сложилась за последние 25 лет, является частью (притом, естественно, зависимой) мирового капиталистического хозяйства и не может существовать в отрыве от него. И как бы ни был неприятен для понимания данный факт, потребности жизнеобеспечения страны и ее населения не могут быть удовлетворены иначе как при выполнении той роли, которая вытекает из положения российской экономики как периферийной части глобального капитализма, что и диктует необходимость сохранения сложившейся системы связей на достаточно длительную перспективу (Yavlinsky, 2011).

2. Можно ли изменить сложившуюся траекторию и есть ли для этого необходимые социальные и экономические предпосылки

Теоретически существует возможность изменить сложившуюся экономическую модель и ее основные элементы – экспорт сырья как ключевой элемент благосостояния; иностранные инвестиции как главный и почти единственный элемент технологических изменений; зарубежные финансовые рынки как основной источник средств для инвестиций; тесная связка государства и бизнеса; исключительно важная роль административно-коррупционной ренты как конфигуратора внутренних финансовых потоков, и др.¹ Однако подобное системное преобразование возможно только под воздействием очень мощного и длительного политического импульса со стороны правящей элиты и наличия необходимого минимума экономических, социальных и внешних условий (Явлинский, 2006).

Мировая практика знает примеры относительно успешных случаев перехода отдельных стран на более высокую ступень в мировой экономической иерархии², хотя они и выглядят, скорее, исключениями на фоне гораздо более многочисленных случаев неудач модернизационных преобразований. Соответственно, шанс на совершение такого перехода в исторически разумные сроки выглядит, как минимум, ненулевым.

Задача изменить тренд развития при помощи сознательных усилий неоднократно провозглашалась властями и в постсоветской России, в том числе в форме официально одобренных программных документов. Однако попытки создать институциональные условия для такого изменения неизменно упирались в то, что институты периферийного капитализма активно сопротивлялись таким попыткам, используя для противодействия социальную слабость слоя сторонников модернизационных реформ, дефицит политической воли к их проведению сверху; разлагающее влияние внешней и внутренней среды, в которую погрузил себя специфический слой «капитанов» российского предпринимательства, рулящих основной частью крупнейших хозяйственных активов, имеющих сегодня в стране. Помимо этого, слой мелкого и среднего бизнеса, кото-

¹ В данном случае под изменением я не имею в виду не переход к модели самоизоляции – на мой взгляд, совершенно нежизнеспособной, если мы, конечно, рассматриваем вариант поступательного развития страны, а не ее деградации и распада. Если же мы допускаем последнее, то всякие размышления на тему экономической стратегии лишаются какого бы то ни было смысла.

² Так, после Второй мировой войны очень заметно изменилось положение в мировой иерархии экономик Японии, Южной Кореи, Турции, отдельных стран АСЕАН. В последние десятилетия значительно выросла вероятность того, что в относительно близкой исторической перспективе ряды среднеразвитых стран пополнит Китай.

рый, строго говоря, является одним из главных и непосредственных выгодоприобретателей в случае модернизационных реформ, не только не сформировался как политический класс, но и оказался чрезвычайно податливым материалом для мощного административного и пропагандистского воздействия и психологической обработки сверху.

Боле того, сформировавшаяся в результате мощного действия законов периферийного хозяйства адекватная ему политическая надстройка – своего рода *периферийный авторитаризм* – выступила в роли фактора, закрепляющего статус-кво и цементирующего такие его особенности, как отсутствие верховенства закона и эффективного независимого суда; подвижные и нечеткие правила игры в хозяйственной деятельности; наличие крупных и существенных различий между формальными регулирующими актами и фактическими взаимоотношениями в экономике; широкие возможности для произвольного перераспределения активов между юридическими и физическими лицами, находящимися в зависимости от государства; условность частной собственности на крупные хозяйственные активы и др. Принцип концентрации власти в одном центре, в одних руках при отсутствии сдержек и противовесов способствовал тому, что потеря стремления к общественно-экономической модернизации в верхнем сегменте несменяемой власти обуславливает отсутствие возможностей и механизмов ее проведения в принципе. В такой ситуации не только сами реформы, но и общественное давление в пользу их реального осуществления оказываются делом практически неосуществимым. Результатом является социально-экономический застой, создающий благоприятные условия для архаизации и деградации общественного сознания, что еще жестче перекрывает возможности для перехода на путь модернизации (Явлинский, 2015).

Таким образом, на сегодняшний день в России отсутствуют объективные предпосылки для выхода за рамки сложившейся модели естественным, эволюционным путем. Переход к стратегии ускоренной модернизации и изменения своего положения в существующей глобальной экономической и политической иерархии, вывод российской экономики и общества на орбиту, более близкую к ядру современного капитализма, требуют в первую очередь целенаправленного создания необходимых для этого предпосылок. Создание этих предпосылок в сегодняшних условиях возможно только в результате сознательных и настойчивых усилий «сверху» – со стороны

политического класса и тех его групп, которые обладают необходимыми властными рычагами и способны контролировать и направлять происходящие в стране процессы.

3. Какой могла бы быть стратегия изменения сложившейся траектории

Ответ на вопрос о том, что необходимо сделать, если в стране все-таки обнаружатся силы, обладающие не только возможностями, но и политической волей для существенной перемены модели российского капитализма в направлении приближения к его нынешнему ядру, в основных чертах уже давно определен и вряд ли есть необходимость вновь и вновь выносить его на широкую дискуссию.

Очевидно, что не существует ни философского камня, ни какого-либо секретного знания, овладение которым обеспечило бы реализацию такого перехода. Рецепты, которые выработала для этого мировая практика в немногочисленных случаях успеха преобразований, сводятся к набору действий, уже испытанных в различных исторических условиях.

Это в первую очередь освобождение и поощрение предпринимательской инициативы вообще, и в особенности в тех сферах и областях, где не теория, а практика обнаруживает признаки международных сравнительных преимуществ. Такое поощрение должно принимать форму законов и подзаконных административных актов, снимающих неоправданные ограничения и сужающих возможности административного произвола в отношении предпринимательской деятельности; выдвижения его в ранг государственных задач с внедрением соответствующих показателей в критерии успешности действий ведомств и возглавляющих их чиновников; наконец, создания в стране соответствующей морально-психологической атмосферы.

Конечно же, необходимо создать благоприятную и стабильную институциональную среду для бизнеса, готового соблюдать законы и нести свою долю социальной ответственности, для чего необходимо обеспечить неукоснительное соблюдение законов после их тщательной ревизии на предмет реалистичности и коррупциогенности. Подобная среда предполагает наличие обратной связи между государством и ответственным бизнесом, предоставление бизнесу возможности легально и открыто участвовать в политической жизни страны.

Необходимо создать максимально конкурентную среду во всех сферах, за исключением оправданных случаев естественной монополии. Грамотные законы и эффектив-

ные, прозрачные органы антимонопольного регулирования должны сочетаться с политическими механизмами антимонопольного контроля, делающими невозможным скрытое давление и теневой лоббизм со стороны групп, заинтересованных в сохранении своего монопольного положения. Понятно, что эффективное действие таких механизмов требует максимальной прозрачности деятельности и информационной открытости в государственном и частном секторах.

Следует всячески стимулировать накопление и инвестиции, создавать отрицательные стимулы для проедания доходов и экономических активов. На это должна быть ориентирована налоговая система. На решение этой задачи также должна работать система так называемых институтов развития, миссией которых является поощрение долгосрочных инвестиций и использование для этих целей большей части рентных доходов государства.

И не в последнюю очередь необходимо поощрять любые формы интеллектуализации хозяйственной деятельности путем снятия ограничений на экспорт и импорт технологий при усилении ограничений на деятельность, ориентированной на улавливание природной или институциональной (административной) ренты.

Набор конкретных мер и механизмов можно варьировать, но основные направления и цели давно уже являются предметом консенсуса всех разумных и конструктивных экспертных групп, особенно если учесть, что подробная детализация предполагаемых реформ выходит за рамки теоретического анализа и должна определяться исключительно конкретной ситуацией, которая подвижна и не поддается долгосрочному прогнозированию. И если отвлечься от личных амбиций и интересов, заставляющих конкурирующие экспертные группы обвинять друг друга в некомпетентности и настаивать на необходимости разработки все новых программ, то дискуссии о направлениях и путях возможной экономической модернизации российского капитализма можно считать закрытой.

Проблема сегодня заключается не в отсутствии программ и стратегии, а в отсутствии государственного аппарата, способного и готового всерьез работать над реализацией вышеперечисленных задач. А это является результатом дефицита политической воли к переменам у несменяемой и неуязвимой для оппонентов власти в рамках пресловутого «периферийного авторитаризма», определению и анализу которого посвящена моя отдельная работа с таким же названием (Явлинский, 2015). Один из выводов этой работы состоит в том, что рос-

сийский авторитаризм проскочил момент, когда он мог бы быть использован как инструмент модернизации экономики и общества и приобрел форму авторитарной системы застойного, демодернизационного типа, по своей природе неспособной реализовать конструктивную повестку мобилизации ресурсов общества для успешного догоняющего развития. Возможность создания широкой коалиции в поддержку реформ с участием авторитарной власти, о которой я говорил и писал в начале 2000-х годов, оказалась безнадежно упущенной и как исторический шанс, и как возможный механизм принудительной модернизации.

Очевидно, что в существующих условиях ключ к появлению возможности реализовать стратегию, способную обеспечить опережающий рост и развитие российской экономики, лежит в области политических реформ и активизации потенциала тех сегментов российского политического класса, которые заинтересованы в модернизации страны и общества и в изменении их нынешнего места в глобальном сообществе. Сегодня перспектива таких реформ, к сожалению, оказалась отодвинутой на неопределенный, возможно, довольно длительный срок. Тем не менее они остаются необходимым условием содержательного изменения траектории общественного движения и реализации стратегии выхода России за пределы ограничений, вытекающих из ее нынешнего положения периферийной зоны мирового капитализма.

ЛИТЕРАТУРА

- Явлинский Г.А.** (2003). Демодернизация. Современная Россия: экономические оценки и политические выводы. М.: ЭПИцентр.
- Явлинский Г.А.** (2005). Периферийный капитализм. Лекции об экономической системе России на рубеже XX–XXI веков. М.: Интеграл-Информ.
- Явлинский Г.А.** (2006). Перспективы России. Экономический и политический взгляд. М.: Галлея-Принт.
- Явлинский Г.А.** (2007). Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы // *Вопросы экономики*. № 9. С. 4–27.
- Явлинский Г.А.** (2007). Российская экономическая система. Настоящее и будущее. М.: Медиум.
- Явлинский Г.А.** (2015). Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. М.: Медиум.

- Явлинский Г.А., Космынин А.В.** (2011). Двадцать лет реформ – промежуточные итоги? Российское общество как процесс // *Мир России*. Т. 20. № 2. С. 3–33.
- Braguinsky S., Yavlinsky G.** (2000). Incentives and Institutions. The Transition to a Market Economy in Russia. New Jersey: Princeton University Press.
- Yavlinsky G.** (2011). Realeconomik: The Hidden Cause of the Great Recession. New Haven-London: Yale University Press.
- Yavlinsky G.** (1998). Russia's Phony Capitalism // *Foreign Affairs*. Vol. 77. No. 3. P. 67–79.
- Yavlinsky G., Braguinsky S.** (1994). The Inefficiency of Laissez – Faire in Russia: Hysteresis Effects and the Need for Policy-Led Transformation // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 19. P. 88–116.
- Yavlinsky G., Braguinsky S.** (1994). The Inefficiency of Laissez – Faire in Russia: Hysteresis Effects and the Need for Policy-Led Transformation n. *Journal of Comparative Economics* 19, 88–116.
- Yavlinsky G.A.** (2003). De-modernization. Modern Russia: Economic Appraisal and Political Conclusions. Moscow: EPItsentr (in Russian).
- Yavlinsky G.A.** (2005). Peripheral Capitalism. Lectures on Economic System in Russia at the Turn of the 21st Century. Moscow: Integral-inform (in Russian).
- Yavlinsky G.A.** (2006). Russia's Prospects. Economic and Political View. Moscow: Galleya-Print (in Russian).
- Yavlinsky G.A.** (2007). Russian Economic System. Present and Future. Moscow: Medium (in Russian).
- Yavlinsky G.A.** (2007). The Need and Ways to Legitimize Private Property in Russia. Introduction to the Problem. *Voprosy Ekonomiki* 9, 4–27 (in Russian).
- Yavlinsky G.A.** (2015). Peripheral Autocracy. Where and How Russia Arrived. Moscow: Medium (in Russian).
- Yavlinsky G.A., Kosmyinin A.V.** (2011). Twenty Years of Reforms: Halfway Summary? Russian Society as a Process). *Universe of Russia* 20(2), 3–33 (in Russian).

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Braguinsky S., Yavlinsky G.** (2000). Incentives and Institutions. The Transition to a Market Economy in Russia. New Jersey: Princeton University Press.
- Yavlinsky G.** (1998). Russia's Phony Capitalism // *Foreign Affairs*. Vol. 77. No. 3. P. 67–79.
- Yavlinsky G.** (2011). Realeconomik: The Hidden Cause of the Great Recession. New Haven-London: Yale University Press.

Поступила в редакцию 29 апреля 2015 года

G.A. Yavlinsky

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Economic Strategy for the Peripheral System

Russian economic system is considered as a peripheral capitalist economy. For this type of economy the concept of “economic strategy” does not seem applicable, since the system itself rigidly defines the logic of development. It determines such features of Russia's economy as a large role of export of mineral resources, dependence on external financial markets and on foreign investments as the source of new technologies; government and business interweaving; financial flows configured by rent income extraction through administration and corruption. With lacking civil society, weak institutions and subordinated position within the world economy the system can be transformed only through conscious efforts of authorities. However political regime which evolved in the country – peripheral autocracy – makes only more conspicuous the lack of political will to reform the system. So a scenario of Russia implementing the strategy of breaking through the limitations of the peripheral area of world capitalism is postponed for an indefinite period of time.

Keywords: *peripheral capitalism, economic growth, reform, political regime, modernization, economic development strategy, relations with the West.*

JEL Classification: D72, E61, E65, F42, F43, J18, O10, P10, P11, P14, P16.